

М. Берская, 13. — 2004 — 20 НОЯБ — с. 1-2

(Окончание. Начало на стр. 1)

- Как же вы вышли из этого щекотливого положения?

- В адресном столе узнал телефон директора ГИТИСа. Позвонил. Он предложил приехать в театральный институт и рассказал, как именно это можно сделать. Когда я сообщил, что у меня в наличии имеются лишь рубли, очень крепко зашитые в трусах, директор долго хохотал. Потом сказал, что моим первым актерским этюдом будет показ того, как я поеду зайцем на столичном троллейбусе. Троллейбус шел мимо Кремля, и я сразу попал под обаяние столицы. Конечно, в тот день я в самых смелых мечтах не мог представить, что когда-то Кремль я буду каждый

день наблюдать из окна своей квартиры.

- Багаж свой в итоге разыскали?

- Да, но на Белорусском вокзале. Причем туда он пришел через две недели. Удивительно, но к экзаменам меня до-

пустили без единого документа.

- Поступали вы только в ГИТИС?

- Во все творческие вузы. Творческий конкурс, кстати, прошел в пяти из них.

- Помните самое сильное впечатление того периода?

- Это встреча с Тamarой Федоровной Макаровой во ВГИКе.

одной грамматической ошибки не было!» Я честно все и переписал! В тот же день был творческий конкурс в ГИТИСе. Впервые я увидел актрису Аллу Тарасову, а фильм «Без вины виноватые» был тогда моим любимейшим. Я так опешил, что Алла Константиновна поинтересовалась: «Ты меня знаешь? А почему ты,

двух театрах: в Художественном пьесе Рошина «Муж и жена», а в Театре Моссовета пьесу Арбузова «Вечерний свет».

- Вы столицу любите?

- Я ее обожаю! Это был единственный город в Советском Союзе, где мог нормально жить и работать творческий человек. Сейчас могу признать, что много лет у меня

- Только то, что мне сейчас девятнадцать лет. Нет, конечно, я гораздо старше. Но у актеров и у режиссеров есть еще и свой «космический» возраст. Алисе Фрейндлих, например, лет четырнадцать, а Елене Образцовой - двадцать. Во всяком случае я всегда оцениваю возраст не по паспорту, а только по энергетике.

Самые известные мои ученики? Безусловно, Фима Шифрин и Валя Гнеушев.

- Интересно, где и как вы отдыхаете?

- Уже четырнадцать лет подряд я езжу на юг Италии, где занимаюсь с молодыми актерами со всей Европы. Там я и работаю и отдыхаю.

- Знаю, что у вас огромная коллекция записей классической музыки. Есть ли в ней музыкальная жемчужина?

- В Италии мне не так давно подарили самую первую пластинку Марии Каллас с записью «Травиаты». Выпущена она была более пятидесяти лет назад. Поверьте, это бесценная запись.

- Какие премьеры у вас ожидаются в нынешнем театральном сезоне?

- Сейчас я репетирую четыре спектакля, но подробнее говорить о них, увы, пока не вправе.

- Неужели вы суверенный человек?

- Нет, дело совсем не в этом, а в том, что для меня процесс создания спектакля гораздо важнее, чем сама постановка. К примеру, «Саломею» я репетировал около пяти лет. Там так менялись составы! И Сережа Маковецкий репетировал, и Ира Метлицкая, и Сережа Виноградов. А выпустить «Саломею» я смог лишь тогда, когда появились Дима Бозин и Коля Добрынин. Как видите, далеко не факт, что все четыре спектакля в ближайшее время будут доведены до ума.

- Роман Григорьевич, как вы думаете, зрители всегда понимают, о чем ваш спектакль?

- Это не имеет никакого значения! Я думаю, проходит время, и если в сердце человека остается укол от спектакля, тогда, возвращаясь к нему, он включает мыслительный аппарат. Вот это самое ценное, потому что умение эмоционально мыслить имеет колоссальное значение: оно воспитывает людей в наш век, когда чувство отодвинуто и мы превращаемся в автоматы, которые, сталкиваясь боковинами, издают железный скрежет. Вот этот звук самый страшный. А нас во всем мире объединяет совсем другой, музыкальный звук. И когда зрители аплодируют в конце, они аплодируют не артистам - они аплодируют себе. Потому что происходит раскрепощение от зажатости, от страха, от того кошмара и хаоса, в котором мы находимся. И тогда люди на какой-то миг счастливы. От того, что все равно остаются людьми.

Беседу вел
Алексей БЕЛЫЙ

ВЗОРВВАТЬ СТЕРЕОТИП

Роман Григорьевич ВИКТОК родился во Львове в 1936 году. В 1956 г. окончил Государственный институт театрального искусства (ГИТИС) в Москве. Работал режиссером во Львовском и Киевском ТЮЗах, преподавал в студии при Киевском театре им. И. Франко. В начале 70-х поставил ряд спектаклей в театрах Калинина, Вильнюса, Москвы, Киева.

В 1991 году в Москве создал Театр Романа Виктюка, основу труппы которого составляют украинские актеры. Осуществил ряд постановок в театрах Швеции, Финляндии, США, Италии, Греции, Израиля, Югославии.

Она с такой нежностью и заботой ко мне отнеслась! Когда я читал из «Молодой гвардии» монолог Олега Кошевого «Мама, мама, я помню руки твои...», Тамара Федоровна долго плакала и меня обнимала. После первого же тура Тамара Макарова сказала, что я принят и завтра должен писать сочинение. А на мое робкое возражение, мол, как я напишу сочинение, если все шпаргалки у меня пропали вместе с багажом, сказала, что беспокоиться мне не стоит. Сочинение я писал с киноведами, так как творческий конкурс у актеров еще только начинался. Тему сочинения запомнил на всю жизнь: «Маяковский о месте поэта и поэзии в обществе». Естественно, я ни строчки написать по ней не мог! Но тут ко мне подошла Тамара Федоровна, передала вырванные странички из учебника по литературе и тихо сказала: «Переписывай внимательно все подряд. Главное, чтобы ни

кстати, опоздал?» Я вспомнил финал фильма «Без вины виноватые», а затем рассказал о том, как Тамара Макарова помогала мне писать сочинение. Потом я читал басню «Волк и ягненок», и Раевский попросил представить волка, который плачет от жалости к ягненку. И вся экзаменационная комиссия хохотала до слез. Когда я вышел, ко мне подбежала секретарь комиссии: «Поздравляю заранее. Считаю, что ты поступил!»

- Вы долго выбирали между ВГИКом и ГИТИСом?

- Я вообще не выбирал. Послал телеграмму своей учительнице во Львов: «Везде дальше?» На следующий день получил ответ: «Кино - халтура. Только ГИТИС!»

- Была ли у вас возможность по окончании театрального вуза остаться в Москве?

- Да, но я сразу уехал во Львов. Потом были долгие странствия по маршруту Киев - Тверь - Вильнюс. И лишь после этого я вернулся в Москву. Причем начал сразу со МХАТа. Точнее, ставил параллельно в

была своя мечта, связанная с Москвой.

- Какая мечта, если не секрет?

- Жить в доме номер четыре на Тверской. Но я его всегда обходил стороной. Очень боялся к этому дому «прикасаюсь». Я до сегодняшнего дня каждый день к своему дому со страхом подхожу. Боюсь, что поднимусь на лифте и увижу опечатанную квартиру. Честное слово, до сих пор вздрагиваю, когда кто-то без предупреждения в гости приходит.

Квартиру я, кстати, получил благодаря Михаилу Александровичу Ульянову.

- Какой ваш спектакль поставил рекорд по долгожительству?

- «Царская охота», которая шла в Театре Моссовета почти четверть века. За это время Маргарита Борисовна Терехова родила дочку, стала бабушкой, сын вырос, а она все играла самозванку с малым количеством прожитых лет. И играла каждый раз потрясающе. Такой марафонский бег был! Все члены Политбюро смотрели его по несколько раз. Косыгин, как только был свободен, приезжал на мой спектакль: или в Театр Вахтангова на «Анну Каренину», или на «Царскую охоту» в Театр Моссовета. Когда в Москве гостили коммунисты из других стран мира, все они сидели в ложе справа от сцены - с цветами, прекрасным буфетом. Но «Татуированная роза», поставленная в 1982 году, идет по МХАТе и по сей день. Как видите, два этих спектакля меня уже пережили.

- Что вы под этим подразумеваете?

- Да, но я сразу уехал во Львов. Потом были долгие странствия по маршруту Киев - Тверь - Вильнюс. И лишь после этого я вернулся в Москву. Причем начал сразу со МХАТа. Точнее, ставил параллельно в

